

Н. М. ФИШЕР

Ты знаешь,
папа

12+

Н. М. Фишер
Ты знаешь, папа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66367320

SelfPub; 2021

Аннотация

Что скажут друг другу два, казалось бы, близких человека, встретившись в метро спустя двадцать лет?

Н. Фишер

Ты знаешь, папа

Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои вещи.

Удивительно бодрый и жизнерадостный голос у этой девушки. Наверняка, чтобы сонные спешащие на работу люди чувствовали себя чуточку счастливее. А те, кто встал не с той ноги, кому дорогу перебежала чёрная кошка, а автобус не дождал пару секунд, захлопнув двери перед носом, смогли, наконец, выдохнуть, оперевшись глазами в экран телефона.

Только не в моем случае. Голос приятный, но сегодня он скорее раздражает. Ну как, как можно быть такой счастливой?

Сокольники. Значит, у меня осталась всего одна остановка – минуты три-четыре, чтобы ещё раз прокрутить в голове речь, которую готовила вот уже почти двадцать лет.

Вместе со мной эти слова, наполненные обидой, горечью, разочарованием и, что уж там, болью, росли, крепи, обрастали подробностями и жизненным опытом.

Что-то я мысленно вычеркивала за ненадобностью – ещё бы, пятилетняя девочка и не такое могла сочинить! Что-то перерабатывала, добавляла объема и эпитетов. Где-то боль-

ше чувств, где-то – наоборот – эффект непроницаемого панциря. Но в целом, смысл остаётся прежним: как? Как ты мог так поступить? Со мной, с нами!

Сокольники. Именно там больше тридцати лет назад ты познакомился с мамой. Она, легкая и воздушная, в сарафане почти до пят, она и сейчас такие носит, бежала на встречу с подружкой. «Вот и бежала бы себе, нечего было по сторонам смотреть!» – всегда говорила ей я, стоило только вспомнить эту историю. «Но тогда бы не было тебя!» – отвечает мне мама раз за разом. Что ж, действительно. Я все же предпочитаю быть.

Она выпорхнула из вагона и, не побоюсь этого слова, вляпалась в свою самую большую ошибку. В тебя, папа.

Твои почти два метра роста, кудряшки и щенячий взгляд – все то, на что мама до сих пор засматривается в мужчинах. И понеслось!

Юные, восемнадцатилетние, влюблённые. Да, я верю, что тогда вы, и правда, были влюблены. Глупы, до ужаса глупы, но влюблены. Появись я в вашей семье тогда, я бы стала самой счастливой девочкой на свете!

Но вам понадобилось десять лет. Десять долгих лет, чтобы разлюбить друг друга, пожениться, да-да, в такой последовательности. А потом родить ребёнка. Ребенка, которого ты, папа, никогда не хотел. Меня.

А потом не хотел слышать, как я плачу, предлагая слушать «это» по очереди, не хотел, чтобы мама снова чувствовала-

ла себя женщиной: желанной, настоящей, полноценной. Это, кстати, папа, из последних доработок моего текста. С двумя детьми и мужем, который меня во всем поддерживает, я все равно временами чувствую себя раздавленной КамАЗом. Представляя, что чувствовала мама с крошечным, слабым ребёнком на руках и мужем, уходящим гулять с другой женщиной, а то и приводящим ее домой, мне хочется очень-очень жалеть ее и очень ненавидеть тебя.

Я громко всхлипнула. Парень на соседнем сидении подозрительно покосился на меня из-под защитного экрана. Насморк и кашель в наше время в общественном транспорте вызывают массу подозрений. Я подтянула маску повыше, закрыв нос до самых глаз, а заодно накинула капюшон, чтобы укрыться от окружающего мира.

Но что-то я отвлеклась, папа. Зачем мне пересказывать тебе то, что ты и так знаешь? Только вот почему ты выбрал именно Сокольники, ума не приложу. Может, случайно. Даже наверняка. Но хочется верить, что из вредности. Так проще на тебя злиться.

Интересно, а я вообще тебя узнаю? Я же тебя больше двадцати лет не видела! А ты-то меня узнаешь? Конечно, ты стал следить за мной в социальных сетях, я заметила. Но одно дело картинки, а совсем другое – я. Что ты вообще обо мне знаешь? Какой мой любимый цвет? А музыка? Во сколь-

ко я просыпаюсь? Сколько раз я ломала кости? Кто мои друзья? Как я познакомилась с мужем? Куда езжу отдыхать?

Смотри, сколько простых вопросов, на которые легко ответят близкие люди и ни за что не ответишь ты. Но на картинке ты смотришь регулярно, этого не отнять.

Прошло столько лет. Ответь, зачем ты вообще приехал? Почему именно сейчас? Соскучился по дочери и решил навестить? Не верю ни секунды – когда скучаешь, ищешь возможность встретиться, и не повод отказать.

А знаешь, что было, когда ты улетал? Был жуткий ураган в Москве: вывороченные с корнем деревья ещё несколько лет буреломом перекрывали дорожки в соседнем парке. Их, наверное, специально не убрали, как напоминание мне. А я и так прекрасно помнила. Природа не хотела отпускать тебя на другой континент, как и я. В моей душе тоже был ураган, гораздо серьезнее, чем за окном! Но я не плакала – я впервые попробовала скрыть свои истинные чувства. О, впереди у меня были годы тренировок по оттачиванию этого мастерства! Но началось все именно с тебя. Тогда я ещё не понимала, что значит «эмигрировал», но догадывалась, что долго тебя не увижу. Для пятилетней меня двадцать лет были чем-то необозримым, далеким и практически невозможным. А сейчас – это большая часть моей жизни, уже прошедшей жизни. Жизни без твоего в ней участия.

В ночь, когда ты улетал, а за окном завывал оглушительный ветер в сопровождении громогласных раскатов грома,

от которого тряслись стены, я сжимала в руках куклу, подаренную тобой. Она была убогая, дешевая и совсем не красивая, только я не давала ее выкинуть, потому что ее подарил ты, папа. Тогда я ещё очень сильно тебя любила.

А потом так же сильно ненавидела.

А теперь и сама не знаю.

Сокольники. Знаешь, что удивительно? Мама на тебя не злится, она даже в детстве ни разу не сказала про тебя ни одного плохого слова. Хотя могла. Должна была!

И сначала я ей верила, пока не обнаружила правду про другую семью, новую дочь. Так сказать, твой чистовик.

Знаешь, что такое истерика пятилетней девочки? Это когда она ещё не знает плохих слов, которые хочет тебе сказать, но все внутри разрывается на части, выворачивается наизнанку, потому что она узнала, что не нужна папе! Не кому-то чужому, а своему папе! Которого она любит.

В психологии есть такое понятие: пренатальная психология. Это когда ты – ещё не человек даже, эмбрион, пара клеток, но ты уже чувствуешь. И когда тебя, такого малюсенького и беззащитного, не хочет родной отец, ты решаешь, что уж весь остальной мир точно не может тебя ждать! И ты делаешь все, чтобы не появиться на свет. Я, например, трижды обмоталась пуповиной вокруг шеи. Видимо, мамина любовь перевесила, и я все же тут. Только травма-то осталась. Огромная зияющая дыра на месте сердца. В которую можно сваливать мужчин, еду, хобби, но она не заполнится. Никогда.

Потому что это твоё место, папа.

Я ужасно завидовала этим девочкам в школе, которых по субботам встречали папы. Они сбегали по ступеням, швыряли рюкзак и падали в объятия, висли на шее. А потом гордо уезжали на закорках по домам. Знаешь, когда меня первый раз посадили себе на шею? В прямом, разумеется, смысле. В двадцать пять. Это был мой муж, после того, как сделал предложение. Я рассказывала ему про тебя.

А потом начался кризис подросткового возраста. Первая любовь, первые обиды. Ты звонил рассказать про политику, будто специально игнорируя все, что я тогда ещё стремилась тебе рассказать. Я слушала, слушала, потом научилась огрызаться. Ты знаешь, мне нелегко было в школе – класс, сплошь состоящий из благополучных счастливых детей из полных обеспеченных семей, и на их фоне – я. Вот тогда-то мне и пригодилось, что я умею огрызаться.

Я могла бы рассказать, почему начала слушать рок, как ночами под одеялом писала стихи и рассказы, ночуя в одной комнате с мамой, как рыдала двое суток на даче, когда мне первый раз сказали: «извини, не люблю». Но решения Джорджа Буша были для тебя важнее, чем разбитое сердце четырнадцатилетней девочки. Твоей дочери.

Ты знаешь, папа, в каждом своём возрасте я натыкалась на проблемы из-за того, что тебя у меня не было. Меня так и не научили играть в волейбол, а я знаю, что ты профессионально играл. На физкультуре я десять лет просидела на ска-

мейке. Я набила столько шишек, пытаюсь найти в мужчинах отца, пока, наконец, не поняла, что отца у меня не будет и не нашла мужа. Со мной не ходили в походы, не сажали за руль машины втихаря от мамы, не грозили моим парням лет в шестнадцать. У меня не было целого пласта жизни.

Мама всегда говорила, что ты помогаешь, подарками какими-то, деньгами, другие же и этого не делают! Возможно. Но почему-то ни капли не легче! Я бы променяла все подарки мира на возможность хотя бы раз в пару недель гулять вместе, кататься на велосипеде, ходить на картинг или что ты любишь? Я и не знаю, ты же ничего никогда не рассказывал в коротких телефонных разговорах.

Да, я слышала от тебя столько международных новостей, но ни разу не слышала, что ты ел на обед.

А ещё я двадцать лет тебя не видела.

Двадцать.

Двери с грохотом распахнулись. Нет-нет, вагон-то новый, распахнулись они еле слышно. Это кровь в моей голове шумит. Станция Сокольники. Приехала.

Не успела отрепетировать. Опять унесло куда-то в дебри собственных мыслей. Что ж, скажу первое, что придёт в голову.

Если узнаю. Если ты меня узнаешь.

Мы договорились встретиться в центре зала, как все де-

лают.

Угрюмая плитка на стенах, мраморные колонны – станция идеально олицетворяет мое настроение: серое, как грозовое небо. И никаких тебе мелодичных голосов, напоминающих не забывать вещи.

Вон пара подружек хихикают, тыкая что-то в телефоне. Хотела бы и я так же беззаботно смотреть в будущее.

Очень сосредоточенный парень читает книгу. Заглянуть бы под обложку.

Мужчина, в костюме и с цветами, волнуется, переминается с ноги на ногу. А вот на его месте я бы не пожелала оказаться. Не выношу церемоний.

Пенсионерки шушукаются около лестницы. Куда вы, такие красивые, на концерт или в театр?

Где же ты?

– Привет, дочка, – раздался сзади тихий хриловатый голос, который я много раз слышала в трубке, но совершенно не представляла себе наяву.

Я решительно обернулась, взмахнув полами плаща, как мантией. Вот он – мой звездный час! Сейчас я тебе все выскажу! Все, о чем молчала пару десятков лет! Все, что kloкочет у самого горла и потоком раскалённой лавы стремится излиться наружу!

Передо мной оказался мужчина. Ниже ростом, чем я предполагала, сидящий, усталый, с грустными щенячьими глазами.

Я открыла рот, готовая ринуться в атаку. Но вышла только одна фраза полусшепотом:

– Ты знаешь, папа! Я очень скучала!